

Выступление председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона перед учащимися Свято-Димитриевского училища сестер милосердия

Тема смерти разделяет человечество на два лагеря: тех, кто верит в загробную жизнь, и тех, кто в нее не верит. Религиозный человек, к какому бы исповеданию он ни принадлежал, признает жизнь после смерти, хотя религии очень различаются одна от другой в своем учении о том, какова будет эта загробная жизнь. Безрелигиозный человек, напротив, отрицает всякое посмертное существование, полагая, что жизнь человеческая вмещается во временной промежуток между рождением и смертью.

Думаю, что ни в одной другой области расхождение между религиозным и нерелигиозным мировоззрениями не является столь радикальным. Это расхождение влияет, прежде всего, на представление о жизни, ее смысле, ее целях. Нерелигиозный человек старается прожить на земле как можно дольше и «взять от жизни все», так как полагает, что за порогом смерти – небытие, пустота. В христианской традиции, напротив, земная жизнь не воспринимается как абсолютная ценность, так как христиане исходят из перспективы вечного бытия. Христиане озабочены не столько количеством лет, которые они проживут, сколько качеством своей жизни, причем качество это определяется не земными приобретениями, а тем духовным богатством, которое *ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6. 20).

Это расхождение, конечно, влияет и на то, как человек религиозный или нерелигиозный относится к самой смерти и всему, что ей сопутствует. Тот, кто не религиозен, боится смерти, мыслей о ней, боится подготовки к смерти – предсмертной болезни. Отсюда распространенный взгляд на внезапную смерть как на наиболее благополучный исход.

Верующий, напротив, готовится к смерти и в то же время молится об избавлении от смерти внезапной, считая для себя благом иметь возможность подготовиться к исходу. В христианской традиции предсмертная болезнь рассматривается как испытание, которое может принести духовную пользу, а смерть – как переход в мир иной.

Для неверующего человека смерть – это катастрофа и трагедия, разрыв и разлом. Для христианина же смерть – не катастрофа и не зло. Смерть – это усение, временное состояние разлучения души с телом до окончательного воссоединения с ним. Как подчеркивает преподобный Исаак Сирин, сон смерти кратковременен по сравнению с ожидающей человека вечностью,

поэтому человек не должен скорбеть по поводу смерти, но должен думать о ней с надеждой на будущую жизнь.

Преподобный Исаак Сирин пишет: «Не скорби по поводу схождения твоего в безмолвие могилы, о смертный... Как прекрасен твой состав и как прискорбно разложение! Но не будь поражен скорбью, ибо ты снова будешь облечен [в тело], пламенея огнем и Духом и нося в нем точный образ его Создателя... Не огорчайся, что много лет пребудем мы в этом тлении под землей, пока не наступит конец мира. Смерть не тяжела для нас, ибо продолжительность нашего сна во гробе подобна сну в течение одной ночи. Ибо вот, премудрый Создатель сделал даже смерть легкой, чтобы мы вовсе не ощущали ее тяжесть. Пока мы не прошли через нее, она тяжела для нас, но после смерти мы не почувствуем никакого ощущения тления или разложения нашего состава, но, словно после сна в течение одной ночи, мы пробудимся в тот день, как будто мы с вечера легли спать, а теперь проснулись. Столь легким будет для нас долгий сон в могиле и продолжительность лет, проведенных в ней».

И вот еще что говорит тот же святой отец о том, как страх смерти, свойственный неверующим, в христианине изгоняется надеждой на воскресение: «Вера укрепит его в надежде, дабы с радостью претерпевал он все опасности, приключаящиеся с ним, дабы даже смертью не был он напуган и не страдал как существо телесное, но уподоблялся тому, кто обладает сверхтелесной надеждой, у кого мужественное сердце и кто уверен в Боге. Каждый день ожидает он исхода из тела, и в мысли своей он на всякое время рождает в муках ту будущую надежду, ради которой страждет он каждый день... дабы безопасно достичь воскресения из мертвых».

В трактате «О смертности» священномученик Киприан Карфагенский утверждает, что бояться смерти может лишь тот, кто не хочет идти ко Христу, что свойственно только тому, кто не верит, что будет царствовать со Христом. По словам святого Киприана, «бояться смерти должен только тот, кто, не будучи возрожден водою и Духом, готовит себя в жертву пламени гееннскому, кто не огражден Крестом и страданием Христовым, кто через смерть первую препровождается к смерти второй. Смерти должен бояться тот, кто по исходе из сего мира будет вечно мучиться и для кого продолжение пребывания здесь служит только временной отсрочкой страдания и стенаний».

В христианстве смерть рассматривается, с одной стороны, как последствие грехопадения. Бог создал людей бессмертными, но в результате уклонения от исполнения заповедей Божиих люди стали смертными и тленными. С другой же стороны, в творениях некоторых отцов Церкви присутствует мысль о том, что смерть является благословением Божиим, ибо через нее лежит путь к воскресению и вечной жизни.

Как пишет святитель Григорий Нисский, «по домостроительству Промыслом Божиим на естество

человеческое наслана смерть, чтобы, по очищении от порока во время разрешения тела и души, человек снова воскресением воссоздан был здоровым, бесстрастным, чистым и чуждым всякой примеси порока».

Толкуя библейский рассказ о проклятии Богом Адама и Евы за совершенный ими грех, преподобный Исаак Сирийский говорит о том, что установление смерти и изгнание из рая были совершены под видом проклятия, однако в самом этом проклятии было скрыто благословение Божие: «Как Он установил для Адама смерть под видом приговора за грех и как посредством наказания Он выявил наличие греха... точно так же Он показал, будто смерть была установлена для Адама как возмездие за его ошибку. Но Он скрыл Свою истинную тайну и под образом чего-то устрашающего спрятал Свое предвечное намерение относительно смерти и Свой мудрый план относительно нее; хотя этот предмет [смерть] может быть поначалу устрашающим, позорным и трудным, тем не менее в действительности это – средство перенесения нас в тот восхитительный и преславный мир... Когда Он изгнал Адама и Еву из рая, Он изгнал их под личиной гнева... Но во всем этом уже присутствовало домостроительство, совершенствующее и ведущее все к тому, что изначально являлось намерением Создателя».

«Не непослушание ввело смерть в дом Адама, – продолжает Исаак Сирийский, – и не нарушение заповедей извергло Адама и Еву из рая, ибо ясно, что Бог не сотворил их для пребывания в раю – лишь малой части земли; но всю землю должны были они покорить». Даже если бы первые люди не нарушили заповедь, то все равно не были бы оставлены в раю навсегда. Таким образом, смерть была благословением, поскольку изначально содержала в себе потенциал будущего воскресения, и изгнание из рая было во благо человеку, поскольку вместо «куска земли» он получал во владение всю землю, утверждает преподобный.

Согласно Исааку Сирийскому, смерть явилась следствием божественной «хитрости»: под маской наказания за грех Бог скрыл Свое истинное намерение, заключавшееся в спасении человечества. Необходимо видеть, утверждает он, что действия Божии в истории человека лишь внешне могут выглядеть как наказание и кара, в действительности же цель Бога – достичь нашего блага любыми средствами. Зная заранее нашу склонность ко всем видам лукавства, Бог премудро и хитро уготовляет то, что кажется нам пагубным, на самом же деле оно является средством нашего исправления и спасения. Лишь пройдя через то, что представляется нам наказанием от Бога, мы осознаем, что оно служило нашему благу. У Бога нет возмездия, Он всегда заботится о пользе, происходящей от всех Его действий по отношению к людям.

В христианской традиции смерть рассматривается в перспективе крестной смерти Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Именно она придала смысл и оправдание смерти человека: Своей смертью Христос поправил смерть, победил и упразднил ее, открыв человечеству дорогу к

воскресению. Это не означает, что смерть перестала существовать, однако для верующего во Христа она потеряла свою силу. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Да, мы все еще умираем прежней смертью, но не остаемся в ней; а это не значит умирать». Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умерший уже не имеет возможности возвратиться к жизни, если же после смерти он оживет и притом в лучшей жизни, то это не смерть, а успение.

Что происходит с душой человека после смерти? По словам святителя Григория Богослова, «добрая и боголюбивая душа после того, как разрешится от сопряженного с ней тела и освобождается отсюда, тотчас приходит в ощущение и созерцание ожидающего ее блага, ибо то, что ее помрачало, очищается или отлагается». Освободившись от тела, душа, по словам святителя, «чудным каким-то наслаждением наслаждается и веселится, и радостно идет к своему Владыке, ибо убежала от здешней жизни, как от тяжких уз, и сбросила с себя лежащие на ней оковы, которыми удерживалось крыло разума; тогда уже в видении как бы пожинает она уготованное ей блаженство».

Речь у Григория Богослова в данном случае идет лишь о посмертной участи благочестивой души; вопроса о том, что происходит с душой грешника, он здесь не касается. Согласно учению восточных отцов Церкви, душа праведника после исхода из тела встречается с ангелами (это отчасти основано на притче о богаче и Лазаре); душу же грешника истязают демоны. О том говорится в одной из бесед преподобного Макария Египетского: «Когда человеческая душа исходит из тела, совершается при этом великое некое таинство. Ибо, если повинна она в грехах, то приходят полчища демонов; недобрые ангелы и темные силы хватают эту душу и забирают в собственную свою область. Никто не должен этому удивляться, потому что если душа в сей жизни, находясь в веке сем, им подчинялась и повиновалась и была их рабой, то тем более она удерживается ими и в их остается власти, когда отходит от мира. А что касается до части благой, то должен ты представлять себе, что дело обстоит так: при святых рабах Божиих еще ныне [в этой жизни] пребывают ангелы и святые духи их окружают и охраняют. А когда отходят от тела, тогда лики ангелов приемлют души их в свою область, в чистый век и таким образом приводят их к Господу».

Похожее представление о судьбе человека мы находим у блаженного Диадоба, епископа Фотикийского, который говорит о том, что люди, не исповедавшие при жизни свои грехи, по смерти будут объаты страхом, а «кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак ее соучастия в их зле». Душа же благочестивого человека, принявшего покаяние в своих грехах, по словам блаженного Диадоба, «в час разрешения от тела с ангелами мира несется выше всех земных полчищ», потому что такая душа некоторым образом окрылена духовной любовью. И у Макария Египетского, и у блаженного Диадоба говорится о том, что демоны встречают души грешников,

тогда как души праведников попадают в руки ангелов.

Существует однако и другое представление, согласно которому душа всякого человека, в том числе праведника, после смерти подвергается испытаниям. Святитель Василий Великий, говоря о мужественных подвижниках Божиих, которые всю свою жизнь много боролись с невидимыми врагами, утверждает, что, когда они находятся при конце жизни, князь века сего изведывает, чтобы удержать их у себя, если найдутся на них раны, полученные во время борьбы, или какие-нибудь пятна или отпечатки греха. Преподобный Иоанн Лествичник описывает предсмертные часы некоего Стефана, который провел сорок лет в монашестве и просиял различными добродетелями, в особенности же украшен был постом и слезами. За день до кончины, находясь в предсмертной болезни, он пришел в исступление и озирался то на правую, то на левую сторону постели своей. Как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух говорил иногда так: «Да, действительно, это правда, но я постился за это столько-то лет», – а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете». Потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братии». Иногда возражал: «Нет, вы клевете на меня». На иное же отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие, но у Бога есть милость». Как отмечает Иоанн Лествичник, в продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом, и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда, какой приговор последовал.

На свидетельствах подобного рода из святоотеческой литературы основано учение о мытарствах – посмертных испытаниях, которые проходит душа всякого человека. Это учение нашло отражение в различных памятниках византийской аскетической и апокрифической литературы, в частности, в «Мытарствах блаженной Феодоры». В этом произведении описывается опыт прохождения через 20 мытарств, или «таможенных постов», каждое из которых соответствует одному из грехов. За каждый совершенный грех человек должен дать ответ демонам-истязателям, и пока не докажет свою невиновность, он не допускается к следующему мытарству. Современному человеку такие описания могут показаться плодом фантазии или какого-то нездорового эсхатологического садизма. Однако опыт людей, переживших клиническую смерть, исследованный врачами, психологами и богословами, в некоторой степени подтверждает свидетельства, содержащиеся в этих описаниях. В частности, в известных и достаточно популярных книгах иеромонаха Серафима (Роуза) проводится сравнение между опытом людей, переживших клиническую смерть, и теми свидетельствами о смерти, которые находятся в святоотеческой и апокрифической литературе.

Вне зависимости от того, насколько буквально воспринимаются свидетельства о мытарствах – будь то древние или современные свидетельства – учение о том, что после смерти человека ждет испытание, следует считать общепринятым для православной традиции. Это испытание в учебниках по догматическому богословию называют «частным судом», в отличие от того всеобщего

Страшного Суда, на котором определяется окончательная посмертная участь каждого человека.

После того, как посмертное испытание души человека завершается, она попадает либо в преддверие рая, где пребывает в ожидании вечного блаженства, либо в преддверие ада, где предвкушает вечную муку. Об этом говорится, в частности, у святителя Марка Эфесского. «Мы утверждаем, – писал он, – что ни праведные еще не восприняли полностью свой удел, ни грешные после смерти не были отведены в вечное наказание... И то, и другое необходимо должно быть после последнего того дня Суда и воскресения всех. Ныне же и те, и другие находятся в свойственных им местах: первые – в совершенном покое и свободными находятся на Небе с ангелами и пред Самим Богом и уже как бы в раю... вторые же, в свою очередь, пребывают... во всякой тесноте и безутешном страдании, как некие осужденные, ожидающие приговора Судии». Та радость, какую ныне имеют души святых, есть частичное наслаждение, как и скорбь, какую имеют грешники, есть частичное наказание.

О промежуточном состоянии, в котором пребывают души умерших до Страшного Суда, мы можем услышать в Синаксарии субботы мясопустной, который содержится в Постной триоди: «Да будет же известно, что души праведных ныне пребывают в неких особых местах, отдельно от душ грешных: первые радуются в надежде [блаженства], другие – скорбят в ожидании вечных мук. Ибо святые еще не получили обещанного [блаженства]». Именно исходя из того, что до Страшного Суда окончательная участь людей еще не определена и в их судьбе возможны изменения, Православная Церковь молится обо всех усопших, в том числе о находящихся в аду.

Какой Православная Церковь видит посмертную участь людей, которые не несут ответственность за свои нравственные поступки и которых в силу этого нельзя отнести ни к праведникам, ни к грешникам? Речь идет, в частности, о младенцах, умерших преждевременной смертью, или о лицах, лишенных разума. По мнению святителя Григория Нисского, идея посмертного воздаяния не может быть применена к младенцам, ибо слово «воздаяние» предполагает наличие совершенных поступков, злых или добрых. Если же таких поступков вообще не было, то невозможно говорить и о возмездии за них. Грех, по словам Григория Нисского, является болезнью человеческого естества, и для наслаждения небесными благами требуется избавление от этой болезни, «не искусившийся же во зле младенец, поскольку душевным очам его никакая болезнь не препятствует в причастии света, пребывает в естественном состоянии, не имея нужды в очищении к восстановлению здоровья, потому что в начале не принял в душу болезни».

В то же время жизнь в младенчестве нельзя сравнить с жизнью добродетельной, с тем нравственным подвигом, венцом которого становится Царство Небесное. Такой подвиг ведет к несравнимо большему блаженству, чем то, которым обладают младенцы, преждевременно похищенные смертью. В противном случае получалось бы, отмечает Григорий Нисский, что быть

непричастным к жизни блаженнее, чем жить, что лучше было бы вообще не родиться или родиться и сразу умереть, чем прожить жизнь в благочестии и святости.

Здесь речь идет как об умерших в младенчестве, так и об умерщвленных в утробе матери. Святитель Григорий Нисский не видит принципиального различия в судьбе тех и других, кроме того, что первые низводятся из жизни по неизреченному Промыслу Божию, тогда как вина за смерть последних целиком лежит на родителях. Относительно умерших в раннем возрасте в результате болезни или несчастного случая Григорий Нисский говорит следующее: «Промыслу Божию свойственно не только исправлять последствия совершенных злых деяний, но и в некоторых случаях предотвращать еще несовершенные». Возможно, что, предвидя будущий греховный образ человека, Господь преждевременно похищает его из жизни, чтобы предусмотренное зло не было совершено, если младенец останется жив.

Григорий Нисский не ставит специально вопрос о судьбе некрещеных младенцев. На этот вопрос однозначного ответа в православной традиции нет: так, в Синаксарии субботы мясопустной говорится о том, что крещеные младенцы наслаждаются сладости рая, непросвещенные же и языческие ни сладости не наслаждаются, ни в геенну огненную не пойдут. Вопрос, таким образом, остается открытым, и судьба некрещеных младенцев вверяется всеблагому Промыслу Божию. Во всяком случае, православной традиции чуждо мнение латинской схоластики о том, что некрещеные младенцы обречены на пребывание в специально отведенной для них секции ада.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/57091/>